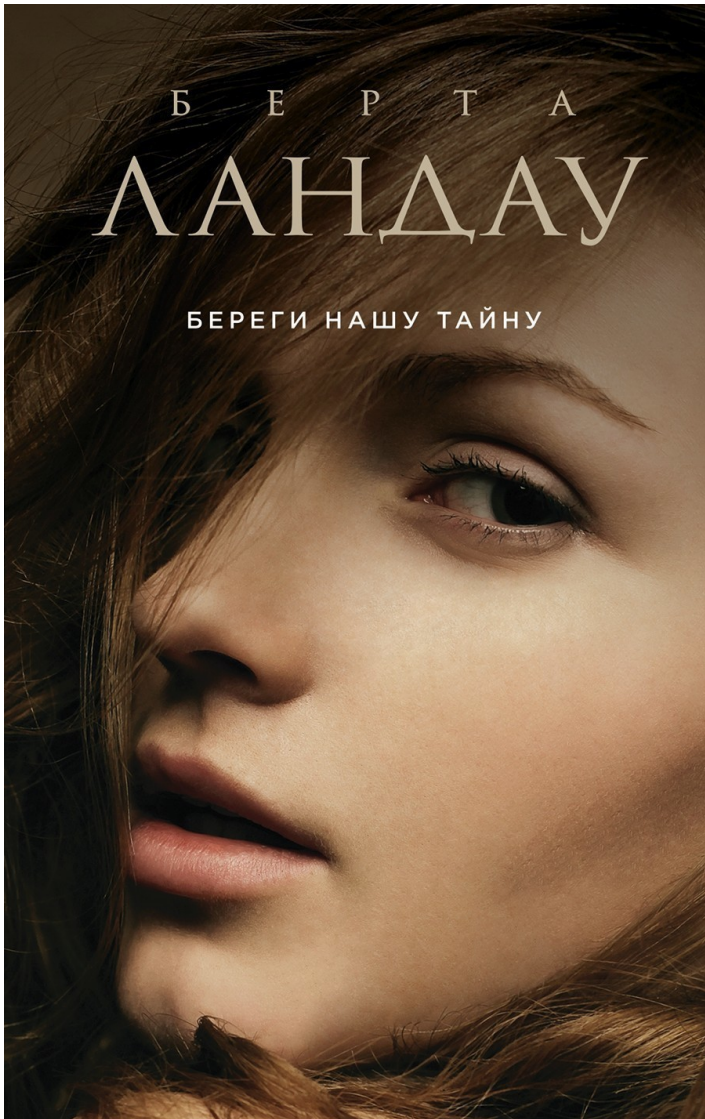

Б Е Р Т А
ЛАНДАУ

БЕРЕГИ НАШУ ТАЙНУ

Берта Ландау
Береги нашу тайну
Серия «Любить – прощать –
прощаться. Проза Берты Ландау»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39831344
Береги нашу тайну: роман / Берта Ландау: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-97134-3

Аннотация

Когда-то, совсем в другой жизни, уже достаточно много лет назад, жили-были девочки. Послушные, прилежные, старательные. Мечтали о том, о чем мечтали для них родители. И все шло по правилам. А потом... Потом случилось то, про что в сказках говорят «вдруг». В жизни Ани произошло событие, которое, даже повзрослев, она так и не смогла забыть... Сколько воды утекло с тех пор, а она все еще просыпается в слезах, переживая ужас прошлого, будто все случилось вчера. Полина же – всего лишь влюбилась, но бросилась в любовь, как в омут с головой, забыв и о своих мечтах, и об ожиданиях родителей, которых она, не моргнув глазом, вычеркнула из жизни. И вот пронеслись годы, жизнь сделала новый виток. И казалось бы, пора уже обрести счастье, ради которого Полина и Аня многим пожертвовали. Но счастья нет. Хотя все у Полины и Ани есть – и

мужья, и дети, и друзья, и достаток... Так что же с их жизнью не так? Почему они никак не обретут счастье? Из-за старых ошибок? Или из-за новых грехов?

Содержание

У закрытой двери	6
1. «Пап, мам, помогите!»	6
2. В поиске ответов	21
Живность	29
1. Аня и лошадки	29
2. «Не слона же купили...»	37
Давид и Вирсавия	42
Патология	52
Полина	66
1. Любовь навеки	66
2. Школа молодого бойца	73
3. Что дальше?	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Берта Ландау

Береги нашу тайну

© Ландау Б., 2017

© Симонов В., портрет Б. Ландау, 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

*До зари
остается пять минут.
Посмотри,
как рассвета люди ждут.
Если скажешь, то уйду
с тобой туда, где кругом одна вода.
Смотри: вдали
проплывают корабли.
До тебя
расстояние руки.
Все же мы так далеки —
еще чуть-чуть
я хочу тобой вздохнуть.
Смотри в глаза,
на двоих одна слеза.*

Павел Артемьев

У закрытой двери

1. «Пап, мам, помогите!»

Аня часто плачет во сне.

Сны – это пустое, ненастоящее. А слезы – вот они, катятся со щеки на подушку. И бормотание вполне различимое:

– Пожалуйста, пожалуйста, отдайте. Не забирайте, пожалуйста.

У Миши сердце от жалости к жене переворачивается. Знать бы, как помочь. Все бы сделал. Горы бы свернул. Но был у них уговор перед свадьбой: никогда не расспрашивать о прошлом. Все, что было до них, – закрытая книга. Закрытая и зарытая.

Он любил Аню всю жизнь. Еще до их знакомства знал, что полюбить сможет раз и навсегда. И именно такую. У них в семье все однолюбы. Мельтешат, острят, веселятся, всех вокруг своим смехом заражают, но любят и хранят верность тем, кого выбрали.

Если сердце подсказало, если душа наполнена горечью и трепетом любви, что остается? Беречь и хранить то, что послано. Иначе что? Пустота.

Нестерпимо видеть слезы любимой жены и не уметь помочь.

Лучше думать, что сны – ерунда. Приходят из ненастоящего. Приносят напраслину.

Развеять их – ничего не стоит.

Миша легонько дует на Анечкину щеку, на которой застыла слеза.

Жена вздыхает, открывает глаза и улыбается.

И кто был прав? Сон убрался восвояси.

В настоящем – они. Их жизнь, их живое тепло, дочка Любочка, драгоценные мелочи, из которых составляется неповторимое чудо повседневности, основанной на любви.

В любви он эгоист. Он получает свою радость и наслаждается ею сполна. Энергия наслаждения заразительна.

Вот и сейчас. Он тянется к сонной жене – его женщине, по всем правам его – и жадно приникает к ней. Его жар сливается с ее теплом. И вот сонное неслышное дыхание, горькие всхлипы ее снов превращаются в счастливые стоны ее ответного желания.

Такой ее никто не знает. Теперь уже не только он жаждет, но и она требует, двигается ему навстречу, раскрывается перед ним вся: настойчивая, горячая, счастливая.

Они оба проваливаются в обморок любви.

Ни одной мысли не остается. Только стремление: слиться друг с другом, раствориться самозабвенно. Быть.

Потом они лежат, не размыкая объятий, приходят в себя, входя в новый день.

Так начинается почти каждое утро их жизни с тех пор, как

они вместе.

Он не представляет себе, что может быть по-другому.

Что кто-то кого-то не хочет, кто-то не дает, кто-то устал...

Если соединяешь свою жизнь с единственной, с не случайной, то как это – не дарить друг другу радость?

Лишь бы только Аня не плакала во сне. Не звала бы кого-то, не умоляла вернуть.

А может быть, все это лишь ночные кошмары? Она просыпается, радуется и ничего не помнит из того, что приносит ей тьма.

Но на всякий случай... На всякий случай он никогда не рассказывает ей о ее ночных слезах.

Пока он рядом, она будет счастлива.

Начинается утренняя обычная суэта.

Дочь Люба, как всегда, окопалась в ванной. Гнать и топить бессмысленно. Девушка-красавица не выйдет, пока не будет полностью готова. Родители наводят утреннюю красоту в своей хозяйской ванно-туалетной комнате, примыкающей к спальне. Дочь не дает им разлучиться, им и тут приходится суетсяь вместе. Аня принимает душ в кабинке, Миша – стоя в ванне. Потом дружно чистят зубы над двойной раковиной.

К завтраку все собираются свежие, веселые. День в этой семье положено начинать с интересом и радостным ожиданием.

Так завел Михаил, по-другому он не может.

Он, влюбленный в нежную хрупкость жены, доволен, что Любаша пошла в него. Крепкая, жизнерадостная, уверенная в своих силах – такая не пропадет. В любой ситуации сумеет отшутиться, договориться. Страха не ведает.

Миша по роду своей деятельности, как никто, знает, что движет людьми. Может, раньше было иначе, но им на сегодняшний день досталось время страха и гордыни. Сколько их, мечтающих о неверной и ничтожной славе, о невероятных богатствах, наслаждениях! Но бок о бок со славой и богатством идет страх все это потерять. И именно страх этот толкает людей на нечто немыслимое.

Вот недавно вспоминали они слова одного святого: «Мое только то, что я отдал»¹.

– Я согласна так жить, – заявила Люба. – В этом свобода. Но учтите, родители, вашу дочь будут считать идиоткой.

– Идиоткой тебя будут считать те, кто живет по принципу «Мое только то, что я *не* отдал, или то, что я взял у другого», – тихо сказала Аня. – А это, как правило, или очень скучные, или опасные люди.

Отец семейства слушал и наслаждался: умные у него девушки. И жена, и дочь.

Сегодня, однако, умные девушки о чем-то довольно энергично препирались, накрывая стол к завтраку.

– Ну, мам, мамочка, ну почему? Я же сказала, что буду! –

¹ Св. Максим Исповедник.

с надрывом вопрошала Люба.

— Потому, что мечты не всегда совпадают с реальностью, — возражала Аня. — И потом... ты просто сама рассуди: когда. Вот просто четко скажи: когда и как ты сможешь осуществлять опеку, заботу, уход...

Миша понял, что речь идет о собаке. Уффф! Новая атака. Дочке упорства не занимать. Она уже лет десять как требует собаку. Десять? Да, точно так. В день своего пятилетия обиделась на всех гостей, вместе взятых, за то, что никто не догадался подарить ей щеночка.

— Братика-сестрички нет, щеночка подарить не могут, — гудело чудо-дитя. — Что вы вообще можете?

— У тебя Женька вместо братика, — пытались тогда уйти от ответа родители.

Женька — это Любин названный брат, сын соседей, одноклассник, с которым они вместе с грудного возраста.

— Еще спасибо, что Женька есть, — не сдавалась тогда дочь. — Но он тут ни при чем. Я у вас щеночка просила.

— Щеночек — это не игрушка, это ответственность, — веско отстаивал свою позицию папа Миша.

И вот: нашла коса на камень.

Десять лет то затухает, то разгорается эта тема, с одними и теми же аргументами «за» и «против».

— Девчонки, ша! За завтраком обходим острые углы, — велел Миша.

Как только они старательно собрались с силами, обхо-

дя эти самые острые углы, почти одновременно пропищали Анин и Мишин мобильники. Эсэмэски прилетели. С утра пораньше.

Он не успел еще руку протянуть к своему телефону. Увидел, как изменилось лицо жены. Оно приняло затравленное выражение, осунулось в какие-то доли секунды. Аня резко в непонятном диком испуге повернулась к дочери, которая в это время стояла у холодильника, за Аниной спиной.

Потом, как совсем еще недавно, во сне, по щеке жены поползла слеза.

Миша взял из безвольной Аниной руки мобильник, глянул на сияющий экран и прочитал вслух:

– «Пап, мам, помогите! У меня проблемы. Срочно положите на этот номер 1000 руб. Потом все объясню».

Была у Ани эта мучительная черта: она могла испугаться по совершенно необъяснимой, нелепой причине. Ведь сколько раз между делом говорили об этих подлых телефонных мошенниках, о том, как наивные люди покупаются на этот идиотизм. Кладут деньги на незнакомый номер... Его секретарше, например, такое сообщение почему-то приходит регулярно. И все бы хорошо, только растит она сына без отца, то есть никаких «пап, мам», а единственно «мам». И эта «мам» не из пугливых. Давно предлагает своему шефу провести расследование и сделать интересный материалчик в номер. Миша – главный редактор известного всей стране журнала – все откладывал на потом. Теперь, увидев болез-

ненную реакцию жены, решил, что откладывать нельзя. Ведь не одна она во всей стране такая. Что там тысяча рублей! Человек со слабым сердцем может от подобной весточки все-речь пострадать.

– Ну, Анечка, ну что ты, в самом деле? – укорил он жену. – Смотри: Любаша здесь. Все хорошо. Это проходимцы, вымогатели эсэмэски рассылают.

Аня, конечно, уже все понимала и нерешительно улыбалась в ответ на ласковую улыбку мужа.

– Миш, а давай пошлем эту тыщу, а? – предложила она.

И эта реакция была хорошо ему знакома. Аня готова отдать все тем, кому плохо. Она объясняет так: если я сейчас чужому помогу, моему ребенку тоже чужие помогут. Логично, конечно, если все настроены помогать, а не вымогать. Но в данном случае вариант «положить тысячу» абсолютно ни под каким видом не катит.

– Ни в коем случае, Ань. Это – мучители, понимаешь? Знаешь, сколько старичков-старушек из-за них с сердечным приступом слегли?

– Ладно, Миш, – Аня глубоко вздохнула, встряхнула головой, словно проснулась.

Люба, моментально сообразив, что можно вернуться к мирному бытию, застонала плачущим голоском:

– Дааа, мам, ты вот тыщу этим гадам собралась посылать. А я тебя о добром деле прошу: щенка взять. Они сказали, что, если не найдут кому отдать, утопят. Нормально, да? Жи-

вого ребенка, пусть собачьего, это не важно, возьмут от родной матери и утопят. Тебе это все равно?

По выражению Аниного лица Миша понял, что десятилетняя осада завершилась. Крепость пала под натиском осаждающих.

– Любочка, ладно, берем его. Ты права! – решительно произнесла Аня.

– Йоооо-ху! – завопила ошарашенная дочь, обнимая и целуя пап-маму. – Вы – самые лучшие. Самые-самые!!! Пойду Женьке скажу. Только, пап, там деньги за него заплатить надо. Десять тысяч. Он породистый!

– А что за порода? – хором крикнули родители в спину стремительно убегающему дитю.

Только той уже и след простыл.

– Ничего не понимаю, – усмехнулся Михаил, доставая из кармана требуемую сумму. – Вроде несчастного щеночка топить собрались злые люди. А тут оказывается – он сильно породистый. Денег стоит – мама не горюй!

– Зря я согласилась, да? – огорчилась Аня.

– Ты и так молодец: столько лет держалась под таким натиском! Ничего, все к лучшему. Хорошо б только щеночек не болонкой оказался. Пусть уж будет покрупнее. Чтоб хоть внешне создавалось ощущение защиты. Тревожно, когда Любка одна на улицу вечером выходит.

Любка, конечно, умеет настырно двигаться к цели. Значит,

как и к кому подойти. Улучила подходящий момент, когда отца рядом не было, тут же начала на мать давить. А потом и ситуацию использовала в своих мирных целях. С Мишей у нее так не получается. Вот и смекнула. Папочка маневрирует куда лучше своего бойкого, но еще не совсем оперившегося птенца. Взять недавнюю историю, когда велась такая же осада крепости, причем по не менее серьезному поводу: Люба с Женей поставили в известность своих дремучих предков о намерении сделать татуировки. У всех в классе есть, а у них нет. И никто своих не предупреждает. Просто идут и делают. И ничего.

Неделю ныли им про эти татуировки. Женькина мама кричала, что, если только попробуют, устроит такое – мир содрогнется. Все тату-салоны позакрывают в городе Москве. Это же рассадник заразы: СПИД, гепатит С, рожистое воспаление... И это происходит гораздо чаще, чем кажется. И потом... когда эти картинки вконец надоедят, их не вывести. Так и будете, уроды, в 60 лет со своими идиотскими картинками красоваться.

– Нам не надоест! Не надоест! – держали оборону деточки. – Так нечестно! У всех есть, а у нас нет!

– Не надоест? – уточнил Миша.

– Никогда! – уверенно и твердо поклялись Люба и Женька.

– Хорошо. Только сделаем так. Я пойду вам навстречу. Отведу вас в тату-салон. Заплачу за работу. Но: дизайн мой

и место татуировки на теле выбираю я. Без обсуждений и предварительного показа.

Юные мечтатели даже не поверили такому счастью.

Соседка Ира просто захлебнулась от возмущения, но Миша за спиной показал ей кулак, и она догадалась замолчать.

Дочь своего отца, хитроумная Любовь, заподозрила неладное:

– Ты небось какую-то точку скажешь сделать. И все.

– Нет, не точку. Когда это я тебя обманывал? Большую, хорошо заметную татуировку. Делать так делать. Зачем из-за точки сыр-бор разводить?

Видно было, как Любаша мысленно взвешивает, соглашаться ли на условия отца или продолжать добиваться полной свободы. Обманывать не обманывал. Обещания исполнял. Тут – большую татуировку обещает. И в салон сам отведет. Они с Женькой переглянулись и решили согласиться.

– Ну, раз папа Миша согласен, мы тоже на его условия пойдем, – подтвердила Женькина мама.

Миша долго старательно делал рисунок, которому предстояло украсить кожу их выросших детей.

Давно ли они оба в колясках лежали? Улыбались своими младенческими ртами, протяжно агукали...

Сейчас вот жесткач им подавай. Тату. Чтоб все как у дикарей. Тотемные знаки. Символы силы...

Ладно. Будет вам символ. Заказали – получайте.

В салон пошли, так сказать, семьями.

Никто, кроме Миши, эскиз не видел. Матери вышагивали со скорбными лицами, как на проводы в армию. Обе, хоть и доверяли Михаилу, боялись неожиданностей. Люба и Женька дико стеснялись идти вместе со своим старичьем, поэтому двигались в отдалении, независимые гордые жертвы невыносимого родительского произвола.

У дверей салона собрались всей компанией.

– Ну тут-то можно посмотреть? – настойчиво потребовала Люба, пытаясь заполучить из Мишиных рук свиток с рисунком.

– Заходим, заходим, – отказался он. – Договорились без просмотров и худсовета, выполняйте свою часть уговора.

– Усаживайтесь, – предложил сопровождающим лицам молодой крепыш-татуировщик. – Что будем делать? Картиночки показать?

– А мы уже со своей картиночкой, – похвастался Миша. – Вот.

Парень развернул рулончик и присвистнул:

– Ого! Серьезная вещь! В цвете делаем?

– Ну да, – подтвердил Миша. – Вот тут внизу травка зелененькая. А лучи – красные.

– И ей, и ему? – кивнул в сторону жаждавших перемен Любы и Жени мастер.

– Ага. Им хочется одинаковое чтоб было.

– Где?

– А вот тут, на лбу. Повязочкой такой, – показал Миша

на себе.

– Фига се! Первый раз вижу, чтоб родной отец... – растерянно проговорил умелец. – А если им потом надоест?

– Не, не надоест, они на сто процентов уверены, – убежденно заявил родной отец. – А нам для них ничего не жалко.

Женщины не выдержали напряжения, подскочили. И обе буквально взвыли от ужаса.

Тут уж и Люба с Женей не удержались, заглянули через плечи матерей. И папа Федя присоединился.

Картинка впечатляла. Миша же обещал!

Если попытаться передать ее словами (что нелегко), то основное содержание эскиза составлял огромный зоркий пристальный глаз с густым беспощадным зрачком. От глаза отходили ресницы-лучи, это они должны были изображаться красным цветом, по замыслу автора. Над глазом в лучах красовалось дугой предупреждение: «Бог правду видит!» Внизу же зеленела сочная растительность: травка, кусты – то есть весь необъятный, но обозримый оком простор.

И все это завораживающее художество должно было навечно впечататься в упрямые лбы настырных подростков.

Первой засмеялась Люба.

– И тебе ничего, что твоя дочь с третьим глазом всю оставшуюся жизнь будет выпендриваться?

– Обидно, конечно. Мне казалось, она и так прекрасна. В своем естестве. Какой мать родила. Но раз обещал... Уговор дороже денег.

– А если я соглашусь?

– Буду любить такой, какая есть. С третьим глазом. Я знал, на что шел. Но и у тебя память останется.

– О чем память, пап?

– О твоей собственной глупости и упрямстве.

– И о твоём коварстве, – вздохнула, улыбаясь, дочка. – Знал ведь, что не соглашусь.

– Не знал, но надеялся. А ты, Жень, как? Будешь картиночку делать?

Женька, с младенчества привыкший к особенностям дяди-Мишиного искрящегося чувства юмора, отрицательно покачал головой.

– Не, или вместе, или никак.

– Ну что? Полегчало? – обратился Миша к застывшим боевым подругам, которые стояли, держась за руки, как плакатные героини военных лет.

Видно было, что сдержанность давалась им нечеловеческими усилиями остатков воли.

– А если б они... – вскрикнула вдруг, поняв, что уже можно, Женькина мать, – если б они согласились?

– История не знает сослагательного наклонения, Ир, – успокоил ее супруг. – И потом... Это ж идиотом надо быть, чтоб на такое согласиться...

– А если б? – настаивала Ирина в пылу потрясения.

– Тогда сделали бы, – убежденно произнес Миша.

В это верили все. От своих слов Михаил не отступал ни-

когда.

Хорошо они после тату-салона повеселились. Закатались в кофейню, пирожных набрали, кофе, соков. Придумывали устрашающие сюжеты для тату. Тема из актуальной превратилась в юмористическую. И главное: друзьями остались с отважными потомками.

Что ж! Сейчас победа за юными.

Один – один, стало быть. Боевая ничья.

Они ели свой любимый завтрак: гренки. Пили душистый кофе. Утро проходило, как ему полагалось: в улыбках и радостном настрое.

Жена проводила до дверей. Поцеловались.

– У тебя сегодня лошадки? Я приеду. Там увидимся.

– Я буду ждать, – помахала Анечка рукой.

Только подходя к машине, вспомнил Миша о том, что и его телефон пищал, предупреждая о сообщении.

Он нажал на кнопку и прочитал: «Я в беде. Помогите. Не знаю, что делать».

– Идиоты, мать их! – выругался Миша.

Но потом снова глянул на сообщение. Что-то в нем не то. А, вот: денег не требуют. Всего-навсего просят помочь. Без имени. Без адреса. Кто это может быть? Очередной разводчик лохов? Или попавший в беду, совершенно растерявшийся человек?

В любом случае – он этого человека найдет и разберется.

Вот только до работы доберется.

Он ехал и улыбался. Интересное начало дня. Любка – вот настоящий пионер-герой! Все ловко разрулила в свою пользу. Даже этой эсэмэской воспользовалась. Не пропадет человек в этой жизни. И ладно. А у них зато новый член семьи объявится!

Миша даже не подозревал, какое именно новое возникнет в их судьбе. Причем совсем-совсем скоро.

2. В поиске ответов

По пути к рабочему месту Михаил заглядывает в кабинеты, зовет к себе нужных людей.

– Пора народ оповестить насчет этих подлых эсэмэсок, – дает он задание.

– Это когда «помогите, проблемы, положите тысячу гаишнику на телефон, тогда меня отпустят»? – уточняет обладающая завидной реакцией Маша Никифорова.

– Оно самое! – подтверждает шеф, дивясь сообразительности Никифоровой.

И еще он думает, что, если бы Ане пришло сообщение про гаишника, было бы просто весело. Откуда они знают, кому что посылать? Или действуют от балды? Им же не важно стопроцентное попадание, вполне достаточно, чтобы пара-тройка лохов купилась.

– У меня бабушке пришло: «Пап, мам, я попал в аварию. Могут посадить. Срочно положите три тысячи на этот номер. Потом все объясню», – вступает в разговор Андрей Жаворонков. – Она решила, что у отца беда и что он в такой беде, что забыл о смерти собственного папы пять лет назад. За сердце схватилась, собралась мне деньги давать, чтоб я срочно спасением занялся. Пришлось ей напомнить, что отец вообще-то в Японии, в командировке. Так она до тех пор не верила, что это разводка, пока я в Токио не позвонил. А там,

прикинь, час ночи! Разбудили мы его. Зато бабушка успокоилась.

– Я давно про это написать предлагал, помните, Михаил Александрович? – обиженно замечает Гриша Ильин.

– Да, ты же вроде что-то и готовил? Только давно это было.

– Еще когда все начиналось, в прошлом году. И всего несколько строк пошло. А я предлагал сделать большую подборку случаев. Они, например, посылают эсэмэс чаще всего почему-то от имени радиостанции «Европа+»: «На ваш номер выпал приз: ноутбук SAMSUNG, позвоните на номер подтвердить получение сообщения». Доверчивый звонит, а с его счета снимаются все средства. В народе эти эсэмэски от радиостанции называют «Европа-флюс». И, кстати, большинство подобных сообщений отправляются из колоний. Такой у эков бизнес. И это еще ничего. А вот когда звонят старикам на домашний – вот где жесть. Звонит телефон. Подходит бабуля: «Але», а в ответ слышит мужской голос: «Мама». Если у нее сын, она, конечно, уточняет: «Саша, ты?» И дальше «сынок» шепотом о проблемах, что могут посадить и прочее. И пусть срочно несет тридцать тысяч рублей и отдаст человеку в кепке. Тогда его, Сашу, выпустят. Тысячи попадают на такое. Я ж рассказывал...

– Да, точно, – вспоминает Михаил. – Предлагал. Ну, тогда за дело. Беритесь дружно, наройте побольше свидетельств. Надо народ предупредить. Поговорите со специалистами, в

чем трудности их обнаружения. И вообще – хоть одного такого привлекли к ответственности за все это время? Давайте. Чтоб завтра материал у меня был.

Оказывается, у каждого есть в этом вопросе личный опыт. Идей и примеров хоть отбавляй.

Работа закипела.

Оставшись один, Миша звонит другу детства, ныне владельцу солидного сыскного бюро. Без его помощи не обойтись.

– Заходи ко мне, – предлагает Серега, – я тут в офисе один за всех, даже секретарша больна. Не могу покинуть боевой пост.

– Ладно, жди. Через пять минут буду.

Они удобно устроились: работают через дом друг от друга.

– Проблемы? – спрашивает Сергей, когда заявляется друг.

– Да вот, сам не пойму. Надо кое в чем разобраться.

Он рассказывает про утренние сообщения. Ане написали проходимцы – это понятно. А вот такое – «Я в беде...» Это может быть и не баловство. Мало ли в какой ситуации оказывается человек, который хранит когда-то врученную ему Мишей визитку или попросту сберег в голове его легкий для запоминания номер. Но даже если случайное совпадение... Держат, к примеру, человека взаперти. На секунду ему в руки попадает трубка его мучителя. Набрал первый попавшийся номер. И вот – отстукал. Просит помочь. А как? Тут дело неясное. По базе данных бы посмотреть, на чье имя телефон.

Поинтересоваться у владельца. Как-то так.

– Номер питерский, – уверенно определяет Сергей. – Владельца я тебе найду. Но тут, если всерьез затеваться, нужно несколько нелишних телодвижений произвести. И потом, ты не учел, что все это может быть простым детским баловством. Любкина подружка какая-нибудь прикололась, к примеру. И такое случается.

– И это – запросто. Но лучше пусть так, понимаешь?

– Понимаю.

– Давай договор оформим, – предлагает Миша. – Я твоими услугами официально воспользуюсь. Если что-то интересное проклюнется, неплохая статейка получится.

Сергей помогал уже не раз.

На этот раз он от договора отказывается.

– Дело твое пустяковое. Чует мое сердце: кто-то пошалил. Я тебе по-быстрому все узнаю. Время есть? Ты посиди, при тебе раскрою страшную тайну зова о помощи.

– Давай я пока кофейку, что ли, сварганю, – потягиваясь, поднимается из удобного кресла Михаил. – Буду тебе за секретаршу.

– Сергей Игоревич! – пищит он томным голоском красотишки Наташи, заболевшей помощницы. – Вам какой кофеек подать, с сахарком или без?

Какое-то время друзья разыгрывают сценку «Начальник и соблазнительная секретарша».

Миша поджигает губки, заводит глазки к потолку, сму-

щается... Вылитая Наташа!

Только у нее, у настоящей секретарши, почему-то кофе никогда не выкипает.

Как это она, однако, успевает все сразу – и глазки невинно закатывать, и нежно ворковать, и на каблучках семенить, и кофе варить отменный?

Опыт! Все приходит с опытом. Со второго раза и у Михаила получается вполне приличный кофе по-турецки.

К этому времени Сергей уже знает, на чье имя оформлен телефон, с которого пришло сообщение, и откуда именно оно послано.

– А вот: Зудина Валентина Николаевна, 21 года от роду, коренная жительница славного города на Неве, слышал о такой?

Миша напряженно вспоминает. Отрицательно качает головой:

– Нет. Никогда не пересекались.

– Сообщение тебе отправлено из Питера. Приблизительно – район Московского вокзала. Что еще важно: номер за ней числится уже семь годков. Мошенники номера обычно меняют быстро, сам понимаешь. Значит... Что это значит?

– А то и значит, что с самого начала значило: или ошиблась номером попавшая в беду Зудина Валентина, или не ошиблась... И тогда действительно речь идет о ее или чьей-то беде.

– Я, кстати, попробовал набрать: телефон абонента вы-

ключен или находится вне зоны действия сети. Адрес ее – вот. Что делать будем?

– Знаешь, мне все же почему-то кажется, что это ошибка. Может, она своему молодому человеку писала и ошиблась номером?

– А МЧ у нее в Москве живет? И она с ним на «вы»?

– Да, нестыковочка, – хмыкнул Миша.

– Но тут есть, между прочим, некая утешительная тема. Фраза «Не знаю, что делать». Она пишется или произносится, как правило, теми, кто нуждается в совете. Пусть в экстренном, но совете. Это не заложница тебе писала, которую в подвале держат. В этом случае все было бы гораздо яснее и четче. Обозначен был бы преследователь, примерное местонахождение вместо этого расплывчатого «не знаю»...

– Это я тоже заметил. Похоже на письма в редакцию. Типа «люблю – не могу – что делать, не знаю».

– Вот-вот. Ты подожди немного. Она, если тебе лично писала, сама объявится. Чует мое сердце. День-другой, и отзовется. А я тем временем своего питерского коллегу слегка напрягу – пусть посмотрит на Валью-Валентину живьем. Да?

– Да, ты прав, я думаю. Подожду. Но у меня к тебе еще одно дело есть. Я насчет Ани хотел поговорить.

– Что? Угрожает кто-то?

– Думаешь, такое возможно?

– Эх, ко мне с такими делами иной раз приходят... Лучше жить в счастливом неведении...

– Но ты первым делом про угрозы спросил, – настойчиво проговорил Миша, – это случайно или тебе казалось, что Ане угрожают?

Сергей задумался.

Серьезный вопрос требовал честного ответа.

– Нет, – сказал он наконец, – про угрозы не думал. Но была мысль о загадке. О каком-то тяжелом прошлом. Что-то в ней закрыто наглухо. И при этом она тебя не обманывает.

– Да. Я знаю. Все у нас честно и открыто. С первого дня до сейчас. Кроме одного момента. Но там мы выяснили...

– Какого момента?

– Ну, раз уж начал, скажу начистоту. Она поначалу от меня скрыла, что Любой беременна. Представь, аборт собралась делать. И я каким-то чудом сообразил. Дурак был дураком, а тут просто протелепатил.

– А как она объяснила?

– Боялась, что ребенок неполноценный родится.

– Ты поверил?

– Да. Абсолютно. Ты бы видел, как она Любке была рада! Она от нее ни на шаг не отходила. Сидит и смотрит. Часами.

– И Люба – твоя копия. Клон, – почему-то замечает сыщик.

Хотя – вполне понятен ход его мысли. В других случаях жена скрывает факт беременности, если ребенок не от мужа. Увы, нередки такие случаи. Уж он-то знает. Не зря ест свой хлеб.

– Не поверишь: даже почерк, как у меня! Даже правый ботинок стаптывает больше левого, точь-в-точь как я! Даже...

– Ладно, ладно, ясное дело, себе смену отковал по своему шаблону. Ты вот лучше вспомни – больше Аня ничего от тебя не скрывала?

– Нет, я бы учуял. Я ее чувствую. И, пойми, я не выведать что-то о ней хочу, а как-то помочь. Она, понимаешь, плачет во сне. Днем счастливая, я же вижу. А во сне плачет настоящими слезами. И я хочу понять причину.

– И устранить, – продолжил за друга Серега.

– Да, примерно так. Мы когда женились, уговорились все о прошлом забыть. Не расспрашивать, не возвращаться к нему. Она так попросила. Я обещал. Не расспрашиваю. Но это все же ненормально, знать, что любимую женщину что-то изнутри точит, и ничем не мочь изменить ситуацию. Я хочу просто узнать, что же с ней было.

– Не боишься? Вдруг всплывет такое, что все изменит?

– Иногда боюсь. Но у меня к ней ничего не изменится. Проверено. А ее... мечтаю сделать ее счастливой.

– Ладно, начнем. Если вопрос о счастье, грех не помочь. Выкладывай все сведения, которые имеешь. Девичью фамилию, явки, адреса... Но смотри. Если что – ты сам этого хотел. Мало ли что всплывет.

Живность

1. Аня и лошадки

После бурного трудового дня хорошо усталый Миша едет к своей Ане. Она почти каждый вечер проводит «с лошадами».

Аня по профессии дефектолог. Получила диплом и устроилась поначалу в интернат для детей-инвалидов. Работа изматывала. Пожалуй, не столько даже работа, сколько условия, в которых содержались несчастные дети, оставленные родителями и никому не нужные. Пока не родилась Любочка, Аня трудилась без выходных: привязалась к своим подопечным, а уж они души в ней не чаяли.

С появлением дочки все изменилось. Беспомощный младенец нуждался в матери. Естественно, поначалу все время было отдано новорожденной. Когда пришел срок возвращаться на работу, возникли трудности: интернат расформировали, большинство Аниных учеников находились теперь за городом.

Аня получила лицензию частного предпринимателя, открыла поначалу центр для семей, воспитывающих детей с ДЦП, аутизмом, синдромом Дауна. Родители нуждались в помощи не меньше детей: они всем сердцем хотели помочь

своим детям, но сколько же препятствий – и материальных, и моральных – стояло на их пути.

Аня уже по опыту знала, как многому можно научить, казалось бы, совсем безнадежных, лишенных всякого интереса к внешнему миру инвалидов, если они чувствуют любовь и тепло живой души, старающейся им помочь. Постепенно, месяц за месяцем, год за годом, совершались чудеса, цену которым осознавали лишь те, кто вплотную сталкивался с больными детьми. Чудо происходило, если замкнутый, полностью погруженный в себя ребенок начинал улыбаться матери или своему учителю. Чудо случалось, если молчавший годами вдруг начинал говорить. Аня давно поняла: если сама веришь в чудо, оно обязательно объявится в реальности. Так и было. Каждый день – новое чудо. И огромная порция счастья. И детского, и родительского.

Выросла Аня в деревне, в Калужской области. Отец работал агрономом, заведовал хозяйством огромного процветающего в те времена совхоза. Держали в совхозе и лошадей. У отца имелся свой персональный транспорт: кобыла Искра. На все свои объекты, по всем делам папа отправлялся верхом. Искра была сильной, выносливой, спокойной и уравновешенной лошадью. Вечерами Аня прибегала к отцу в контору, он подсаживал дочку на седло, вскакивал сам, и они отправлялись на прогулку: вдоль реки, потом лесом, лугом, снова по берегу речки и домой.

Спешившись и расседлав Искру, папа первым делом вел ее на луг за их домом, чтоб она паслась на свободе. Он, правда, слегка опутывал ее ноги, чтоб она не ушла куда глаза глядят.

Пока они ужинали, Искра паслась. После ужина папа, мама и Аня шли на реку плавать. Синие стрекозы вертелись у поверхности воды, мальки стайками метались туда-сюда, за рекой мычали коровы: их пора было доить, пастухи стегали землю своими бичами, покрикивали на коров, собирая их в стадо...

Накупавшись, возвращались домой. Мама поджидала корову, звала ее ласково. Папа и Аня шли за Искрой.

Если Искра хотела домой, она легко откликалась на зов и шла с людьми. От нее пахло летом и красотой жизни – так Аня для себя определяла запах любимого существа.

Бывали вечера, когда Искра хотела погулять. Она легко освобождалась от своих ножных пут и медленно-медленно уходила все дальше и дальше от дома. Приходилось ее искать. Вот уже становилось темно. Они брели по травам и звали, смеясь: «Искра!» Смеялись, потому что знали: все равно найдется, это она так немножко играет с людьми, проверяет, любят ее или нет. Наконец в летней светлой ночи виделся силуэт лошади. Она щипала травку и будто ничего больше не замечала, не слышала зова и звука шагов. Но стоило подойти ближе, она делала несколько прыжков в сторону и снова пропадала в зыбкости мглы.

Отец и дочь садились на пенек или бревнышко и терпеливо ждали. Как только Искра переставала чувствовать преследование, она начинала сама искать своих людей: не заблудились ли? Папа и Аня сидели тихо, проверяли, найдет их лошадь или нет. Искра всегда находила. Появлялась неслышно, как фея, из темноты. Вырастала рядом из ниоткуда. Стояла и ждала, пофыркивая.

– Нагулялась? – ласково спрашивал отец.

– Фррррр, – подтверждала Искра.

– Поехали тогда домой?

Лошадь согласно кивала.

Папа легко вскакивал на неоседланную Искру, свесившись, подхватывал Аню, усаживал перед собой.

Искра спокойно шла.

Ночной туман покрывал поля. Казалось, вокруг расстилается огромное озеро. Искра, папа, Аня плыли по этому озеру тихо-тихо.

У самого дома Аня уже крепко спала. Отец передавал ребенка маме, та укладывала девочку в кровать, укрывала. И приходили счастливые сны.

Аня мечтала, что вырастет, заведет конюшню. Будет у нее много-много лошадей. Самых лучших на свете друзей, которые понимают все и не умеют предавать.

И вышло, что мечта сбылась. Только не сразу, а окольными путями. Но свелось, пусть не все, но многое, к лошадам.

Богатый процветающий совхоз развалился. Вместо него

возникло какое-то ООО. Что-то приватизировали местные, какие-то участки земли, коровники, ангары для техники.

Отец, видя мучения лошадей, брошенных и никому не нужных, сумел приватизировать конюшню. Выхаживал старых больных животных, которых знал еще только появившимися на свет жеребятами, кое-как латал крышу.

В это время участки плодородной ухоженной земли стали раскупаться дачниками. Пошло строительство диких дворцов, до которых наконец домечтались зажатые в тиски своих крошечных жилплощадей горожане.

Любке было полгода, когда дед в спешном порядке отзвонил в Москву: «Как хотите, тут несколько га земли продается за копейки. Задушат природу на корню. Покупайте и стройтесь. Чтоб внучке хоть что-то осталось от ее родины». Так и сделали. Подключили соседей, Федю с Ирой. Вместе так вместе. Пару хороших друзей нашел Миша. Договорились: замки не строить, оберегать ландшафт, незаметно и без ущерба вписываясь в окружающую среду.

Летом в дедовой конюшне работали все новые дачники. Ухаживали за лошадьми, готовили корма на зиму, ремонтировали, чинили. Аня радовалась за Любочку и Женю: они проживали такое же счастье, как она сама в детстве. Только ей все казалось вполне естественным и бесконечным. Городским детям лошади всегда представлялись чудом природы, которому они не переставали удивляться.

Уже организовав свой центр, Аня слышала об иппотера-

пии, лечении с помощью лошадей². Стала мечтать: вот бы привезти в Москву пару лошадок, найти площадку для занятий... Как бы Аниным подопечным деткам было хорошо. Мечта овладела ею настолько, что она прошла курс «Лечебная езда» в институте физкультуры в дополнение к своему диплому. И убедилась: мечты сбываются. Если, конечно, сильно-сильно мечтать.

К ней обратились родители пятилетней Юленьки, страдающей церебральным параличом. Девочке было трудно держать голову и вообще прямо держаться. Отец, обожающий дочку, был человеком богатым. Видимо, богатства достались ему разными путями, в том числе и несправедливыми. Он и вбил себе в голову, что дочка своей болезнью расплачивается за его грехи, о чем не раз вздыхал, когда присутствовал на занятиях Ани с Юленькой. Аня учила девочку правильно говорить. Та капризничала, кричала, замахивалась на учительницу, которую ждала, любила, ценила. Но когда раздражение брало верх, ребенок забывал и о любви, и о своем ожидании уроков.

– Ее бы на лошадку, – вздохнула как-то Аня после очередной вспышки гнева несчастной малышки.

– Нам только лошадки не хватает для полного счастья, – горько вздохнул отец, приняв за шутку слова педагога.

² Hippo – лошадь (греч.); иппотерапия – действенный метод реабилитации и социальной адаптации, помогающий при целом ряде заболеваний, как, например, церебральный паралич, дефицит концентрации внимания, гиперактивность, аутизм, синдром Дауна и мн. др.

– Лошадки именно и не хватает, – согласилась Аня. – Смотрите: во время верховой езды Юленька будет получать физические нагрузки и положительные эмоции. Лучше любого массажа. Еще Гиппократ говорил, что верховая езда освобождает от темных мыслей и порождает мысли веселые и ясные.

– Да разве это возможно? Она же голову еле держит! – не поверил отец.

– Все возможно, увидите. Невозможно другое: место для выездки найти, для конюшни небольшой. А остальное – за мной.

Тут-то мечта и сбылась. Сначала Анина. Появилась при ее центре конюшня и все, что полагается.

И вскоре удивленный Юлькин отец смог убедиться, что Аня говорила чистую правду: лошади подпитывали девочку своей доброй энергией и силой настолько, что та вскоре стала легко держать голову. Улыбка не сходила с ее личика, когда она сидела в седле. Вспышки гнева сошли на нет.

Летом Аня вывозила своих подопечных с родителями и помощниками к себе на родину, там было вольготнее. В городе почти каждый день в послеобеденное время она была «у лошадок», как привычно называли ее занятие в семье.

Жена была оживленна, как всегда, когда общалась с лошадьми и детьми.

– Поскачем немножко? – предложила она. – Бери Розу.

Веселая красавица Роза, понятливая, но своенравная, пока еще привыкала к своим «целительским» обязанностям. Сейчас она стояла под седлом, ожидая седока. Мишу она уже хорошо знала и относилась с уважением.

Они двигались рядом. Лошади шли спокойным ритмичным шагом. Так их тут учили. Ведь главное их дело – общение и помощь больным детям.

– Представляешь, – рассказывала Аня, – не зря мы гнедого жеребчика Генералом назвали. Он сегодня решил меня подчинить. Подошел и головой своей мне на затылок принялся давить. Хотел меня на колени поставить. Но главная тут я. Поработали – понял, расслабился.

– Это как с людьми. Они, если силу твою не будут чувствовать, обязательно пригнут. До самой земли. В крови это у всех живых, что ли?

– Наверное, да, – вздохнула Аня. – Главное, помнить об этом.

– Сильному – зачем помнить? – возразил Миша. – Сила, если есть, сама о себе напомнит.

– До силы тоже нужно дорасти, – задумчиво сказала жена. – Давай возвращаться, нам домой пора...

2. «Не слона же купили...»

У песочницы на пустующей детской площадке сидел в позе роденовского «Мыслителя» Федор и задумчиво курил.

Увидев Аню с Мишей, он встрепенулся:

– Садитесь, перекурим.

Аня не курила, к тому же стремилась домой. Надо было приготовить ужин. Да и взглянуть на Любину радость – щеночка – хотелось поскорее.

Она приветливо помахала рукой, оставляя мужчин с их мужскими разговорами.

– Миш, – начал, как-то особенно загадочно улыбаясь, Федор, – Люба сказала, что вы согласились. Ну и мы после этого тоже согласились. А времени утром не было, понимаешь... Спешили. И что-то, кажется, погорячились. Недосмотрели.

Уже интересно, подумал Миша. Некая догадка мелькнула в его усталом мозгу:

– Федь, вы сколько дали? На щеночка? – спросил он, заранее готовый услышать ответ.

Федя, тоже человек сметливый, покивал головой, мол, да, и на старуху нашлась проруха, одурачили-таки родные детки, и с загадочной улыбкой вымолвил:

– Да небось столько же, сколько и вы! Десятку! Это дешевле не стоит.

Интонация, с которой Федор выговорил невинное указа-

тельное местоимение «это», заставила Мишу насторожиться:

– Ты о чем?

– Не о чем, а о ком! Об этом крошечном невинном существе, об этой жертве людской жестокости, которую надо было именно сегодня спасти от чудовищного утопления. Интересно, кто из них эту версию придумал? Как считаешь?

– Об утоплении? Или – что деньги предназначены на щеночка?

– Нет, деньги на щеночка. Не сомневайся! Они у нас – честные ребята. На щеночка, щеную двухмесячного. Я об утоплении.

– Любка, наверное, – предположил Миша. – Типично женский прием, чтоб захватить врасплох, разжалобить и отрезать все пути к отступлению. Ну, чего уж теперь. Пусть у них будет щеночек. Летом на дачу отвезем.

Федя нервно засмеялся.

– Отвезе-ем! – уверил он. – Это обязательно. Ему воздух нужен. Лишь бы только в машину к лету влез. Чтоб не пришлось автобус заказывать.

– Да ладно, – не поверил Миша, – залезет. Не слона же купили.

– А фиг его знает, – раздумчиво откликнулся сосед. – Я знаю, о чем говорю. Я *это* уже видел. А ты пока нет.

– Пойдем, покажешь, – предложил заинтригованный Михаил, поднимаясь.

– Пойдем, – поднялся вслед за ним Федор. – Но учти: я тебя предупредил.

– А то! – откликнулся Миша. – Предупрежден – значит, вооружен.

Едва они открыли дверь в их общую просторную прихожую, с младенчества принадлежавшую их ненаглядным деткам, как выкатилось к ним нечто. Да, не зря Федор многозначительно произносил «это», говоря о малютке-щеночке.

На первый взгляд походило «оно» на перспективно развивающегося ребенка-медведя. Крепкие толстые лапы, мощная голова с маленькими ушками, небольшие пытливые молочно-синие глазки. Вес – никак не меньше десяти килограммов.

– Это девочка, пап! – показалась совершенно счастливая дочкина мордаха. – Кавказская овчарка. Красавица, да? Мама говорит, что она просто чудо.

Миша посмотрел на сияющую жену. Поди пойми этих женщин. Но если они счастливы, мужчинам полагается вздохнуть с облегчением и на время расслабиться.

– Слышал я, – голосом былинного сказителя произнес между тем Федор, – что растут эти малютки быстро и дорастают килограммов так до семидесяти. И очень плохо поддаются дрессировке.

– Пап, про них написано: «Не раб, а компаньон». На врага нападает молча, зря не лает. Ест даже меньше, чем такого же размера псы других пород, – вступился Женька.

– И кто ж нас, таких красивых, таких малюсеньких мишюток-симпампуток топить собрался? – нежно заворковала Ира. – И у кого бы это рука поднялась на такое преступление?

– А наверное, у того самого, кто за эту симпампутку двадцать штук с превеликим удовольствием отхватил, – в тон ей ответил супруг.

– Ну, ладно, пап, – одернул отца Женька своим подростковым колючим голосом.

– Это я так придумала, – хныкнула Люба, – простите меня, ну, просто если бы мы сегодня ее не взяли, другие покупатели уже хотели забрать. Она – лучшая из помета! Самая активная, самая недоверчивая, самая красивая. Вы же сами видите!

– Красавица! – восторженно подтвердила Женькина мама. – Мишутка-малютка.

– Имя уже дали? – спросил Федор, протягивая руку к мишуткиному паспорту.

– У нее все есть! И имя, и ушки купированы, и прививки! Смотрите тут, дядь Федь, ее Михаэла Северная Звезда зовут.

– В твою честь! – льстиво обратилась Аня к мужу.

Было совершенно очевидно, что женское население этажа влюблено с первого взгляда и навсегда в пушистую «симпампутку» Михаэлу.

– Ладно, Миха, добро пожаловать! – склонился над медвежонком Михаил.

Пушистая красавица немедленно улеглась на спину, подставив розовое детское пузо взрослому «компаньону».

Все человеческие сердца зашлись от нежности к новому члену семьи.

Давид и Вирсавия

Они собрались, как заведено годами, в общей – Любиной и Жениной – детской. Правда, в последнее время это ни в коем случае называть детской было нельзя. Обмолвившись, родители рисковали получить на свою голову шквал возмущения:

– Сколько можно! Забудьте! Мы не дети!

И даже:

– Хотите детей – родите себе еще!

Вот как!

Так что – ни в коем случае не в детской.

И не в игровой – это тоже детсад какой-то.

Полагалось говорить неопределенно:

– У вас.

Или, если Люба с Женей приглашали «к себе», то получалось так:

– Пойдемте к нам.

Или:

– Почитаем у нас.

– Попьем чайку у нас.

Детство кончилось. Это надо признать, глядя правде в глаза. Но остались от детства привычки и традиции, так прочно укоренившиеся, что ни у кого и мысли не было что-то менять.

Одна такая привычка – вечернее чтение.

Собирались за общим столом вшестером: Любины родители, Женины родители и сами «хозяева помещения» – дети, то есть теперь уже, извините, не дети... Вполне взрослые пятнадцатилетние Любовь и Евгений. Однако начинали еще детьми. И читали вслух. Полчасика. Что придется. Читали и разбегались семьи по своим квартирам. А потом выяснилось, что без этого чтения день хорошо прожитым не считается.

Почему Миша захотел прочитать своей честной компании про Давида и Вирсавию?

И не думал, и не планировал, и не хотел.

И не помнил даже эту библейскую историю почти совсем. Так, сюжет для картин. Видел в разных галереях: Вирсавия купается, а с крыши ею любовается Давид. И ни он, ни она не подозревают, чем этот момент грозит их дальнейшей судьбе.

Миша просто взял с полки первую попавшуюся книжку. А попалась «Библия для детей». И открылась она сама собой. На той самой страничке.

Вот о чем читал Любин отец.

Царь Давид прогуливался по крыше своего дворца. Крыша была плоской и специально предназначалась для приятных царских уединенных прогулок.

С высоты своей крыши увидел царь, как купается в бассейне прекрасная женщина.

Царь привык получать все, что захочет.

А тогда он захотел взять в жены эту женщину.

Только все оказалось не так просто.

Вирсавия (так ее звали) не была свободна. У нее имелся муж. Это был иноплеменник по имени Урия, который служил как раз царю Давиду и в тот момент был далеко, участвуя в военных действиях.

Давид, разумеется, решил все просто, вполне по-царски.

Он написал письмо своему военачальнику:

«Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтобы он погиб».

Приказ царя был неукоснительно выполнен.

Урия был сражен в битве.

Давид женился на Вирсавии.

Она родила ему сына.

Царю – выходит – все можно.

И возжелать чужую жену. И послать любого на погибель ради того, чтобы завладеть единственной его радостью...

Но можно ли обмануть Бога?

И вот Господь посылает к Давиду пророка Нафана. Тот рассказывает царю притчу:

– В одном городе жили два человека, один богатый, другой бедный. Богатый владел большим количеством скота, у бедного же была лишь одна-единственная овечка, которую он купил совсем маленькой и выкормил. Она выросла вместе с его детьми, ела его хлеб и пила из его чаши, и спала у

него на груди, и была для него как дочь.

Однажды к богатому человеку пришел гость. Гостя полагалось хорошо принять, накормить. Но богатый пожалел своих овец. Он забрал единственную овечку бедняка и приготовил из нее обед для своего гостя.

Услышав эту притчу, царь Давид разгневался:

– Этот богач достоин смерти! За овечку он должен заплатить вчетверо: ведь он украл ее. И, кроме того, у него не было сострадания!

Пророк Нафан ответил царю Давиду:

– Этот человек – ты! Так говорит Господь: Я сделал тебя царем. Я избавил тебя от Саула, я дал тебе царство. Если тебе этого мало, я прибавил бы еще больше. Но зачем же ты совершил злодейство? Ты убил Урию, а жену его забрал себе.

После этих слов пророка Давид покаялся перед Богом.

Нафан же объявил ему, что в наказание сын, родившийся у него, умрет.

Так и стало.

Прошло время.

Вирсавия вновь родила Давиду сына.

Она назвала его Соломоном.

Господь полюбил его.

Царь Давид завещал ему свое царство³.

Миша закончил чтение и вздохнул:

– Тысячи лет люди знают, что нельзя брать чужое, нельзя

³ 2 Цар. 11:2–3, 14–17, 26–27; 12:1–10, 14–19, 24.

убивать, завидовать...

– А все равно – завидуют, крадут, отнимают последнее, – продолжила Ира, Женькина мама.

– И никакого наказания не боятся. И бывает ли им это наказание? – мудро заметил ее сын.

– Может быть, Бог от нас устал и все пустил на самотек? И ничего никому не бывает за их зло? – с заметной горечью произнесла обычно молчавшая при чужих Аня.

И опять, как в начале дня, заблестели в ее глазах слезы.

– А может быть, бедняку стоило лучше следить за своей овечкой, раз он ее так сильно любил? – раздраженно спросила вдруг Любочка. – Почему бедняки всегда дают себя обокрасть? Может, с ними что-то не то? Может, они ущербные какие-то?

Люба не выносила, когда мама делалась грустной. От отчаяния и невозможности помочь она немедленно начинала «лезть на рожон», как называл это ее состояние папа Миша.

– Слушай, Любань, а ты – ума палата, – уважительно восхитился Федор, Женькин отец. – Под таким углом взглянула...

– А богатые – не ущербные? Так и норовят ухватить чужое, хоть у самих уже из ушей лезет, – тут же возразила его супруга, любившая вступать с мужем в горячую полемику по любому вопросу.

– Получается – ущербные все, – подвел итог Миша. – То есть все не без греха. Но только тот, кто заведомо сильнее, и

отвечает потом по полной программе.

– А бедняк не ответил по полной, по-твоему? – не унималась Люба.

Но тут в общий разговор вступил заскуливший немислим басом щенок.

От звуков его богатырского плача всех присутствующих почему-то разобрал дикий смех.

– Любань, – добродушно поинтересовался Федор, – как думаешь, может, это не щенок вовсе, а?

– А кто? – насторожилась Люба.

– Почему я знаю? Дикая лошадь Пржевальского, например. Вырастет и задаст нам жару. Жеребят нарожает. Будут у нас на лоджиях пастись...

– Может, и лошадь, пап, а может, корова? – согласился Женька, отправляясь за тряпкой: на полу после прохода «немышонка, не лягушки, а неведомой зверушки» образовалась более чем солидная лужа. – Зато все нас уважать будут.

И с этим трудно было поспорить.

– А где ее место будет? – спросил Миша. – Кто будет главный хозяин?

– Мы, – хором заявили Люба с Женькой.

– А давайте ей на лоджии конуру построим, – вполне серьезно предложил Федор. – Кавказцы – они же на улице привычные жить, на дворе или при отаре.

Весь их этаж опоясывала широкая лоджия.

Дом строился по индивидуальному проекту. Архитектор явно воплощал мечты собственного детства о катании на велике по балкону, о свете, широком обзоре и удивительном покое, возникавшем у каждого, кто входил в дом. Сейчас-то все владельцы квартир понимают, как повезло им тогда, в лихие девяностые, что на их вложенные деньги действительно построили дом, причем такой, какой планировался изначально. И деньги затрачены – сейчас даже смешно вспоминать какие.

Когда только-только заселялись и не знали еще, что станут с соседями почти одной семьей, собирались лоджию разгородить так, чтобы не мешать посторонним и не нарушать чужое частное пространство. Но вскоре разобрались друг в друге, и лоджия так и осталась единой и неделимой. И действительно, сколько кругов на своих трехколесных машинах нарезали дети – не сосчитать.

Теперь вот можно для зверя конуру поставить. Пусть охраняет дом на подступах с воздуха.

А пока самое правильное место – бывшая детская.

И пусть Мишутка сама выбирает, к кому пойти, когда соскучится.

Перед сном счастливая Любка забирается в кровать к родителям.

Давно уже не приходила – взрослая! Но сейчас она пощечячи запрыгивает между мамой и папой, ласкается.

– Мамочка, папочка, какая же я счастливая! Какие вы хорошие!

– И мы счастливые! И ты хорошая! – смеются Аня и Миша.

Они устали. И – жутко соскучились друг по другу.

– Любка, все! Спать пора! Ты теперь мать, тебе выспаться надо. А то с утра, чувствую, не в ванной засядешь, а полы будешь мыть, причем неоднократно, – гонит отец.

– Ну вот... В кои-то веки... Захотела к вам... – Люба притворяется обиженной, но уходить не собирается. – Мам, расскажи, как я родилась...

– Я же тебе сто раз рассказывала...

– Ань, я ж говорю, у нее проснулись материнские чувства, она теперь хочет обмениваться опытом, – поясняет Миша.

– Тебе про роддом рассказать? – уточняет мама.

– Да! Как там все было... Страшно, да?

– Я тебе завтра все-все расскажу. Договорились? – выпрашивает Аня дочку, вытягивая ее из недр супружеского ложа.

Миша, как падишах, любит свои девочки: женой в тоненькой шелковой рубашечке и дочкой в мягкой просторной пижаме. Как есть: мать медведя!

Наконец дверь спальни заперта. Они снова вместе. И нет никакого сна и усталости. Есть только они двое, их счастье и понимание желаний другого.

– Думал, взорвусь, – шепчет Миша своей Анечке в самое

ухо.

– И я – дожждаться не могла.

– Будь моей, – просит муж.

– Я – твоя.

– Будь совсем-совсем моей, – повторяет он.

Словно первый раз они вместе. Словно не проснутся в объятиях друг друга, не соединятся снова...

– Да, – отзывается жена, – я твоя. Совсем-совсем.

Уже засыпая, они слышат, как воркует со своей «малюткой» Любка.

– Давай на выходные в Венецию слетаем, – шепчет Миша. – Вдвоем. За Любкой Ира присмотрит.

– Давай.

– Так я завтра с утра билеты в Интернете подыщу. И отель.

– Отель только наш, другой не надо, – велит Аня.

– Договорились: только наш, – соглашается муж. – Спи.

Они не знают – и откуда бы им знать, что никакой Венеции на выходные им не положено. Судьба уже распорядилась по-своему. Но человек предполагает...

И Аня в полудреме сначала думает о Венеции, о том, что обязательно в этот раз возьмут они гондолу, поедут, обнявшись, по всем каналам. Весна, как хорошо... Там должно быть совсем тепло. Потом вспоминает она тот самый роддом, о котором просила рассказать дочка.

Как Любочка рождалась...

Что рассказать? Историй много...

Пусть подрастет еще. Или уже пора? Женские истории...

Конца им нет...

Патология

– В общем, один любовник был у нее американец бело-брысый. Как моль такой. И кожа розовая, а когда загорит, так и вообще красная, но он довольно редко появлялся, только по бизнесовым нуждам когда. А второй – армянин, тот все время. Черный. Шнобель крючком, грудь мохнатая, как у шимпанзе. А муж – наш, Ваня, морда колом, громадный, бычара. И вот она залетает и не знает от кого. Все как раз трое были при теле. Ей тридцать девять, ну, по виду не скажешь, а что есть – то есть. Три аборта сделала в восемнадцать, подряд, по дури, а потом и не беременела. И врачи сказали: все – спи спокойно, дорогой товарищ. Она и спала с горя со всеми. А тут – вот те на! И не знает от кого, главное. Приходит ко мне, чё делать, говорит, не знаю. Это, типа, мой последний шанс, буду рожать. Ну, говорит, если от Дэна, это, значит, еще ничего, ну, будет беленький, если чего. А если от Сумбатика? И реветь начинает по-страшному, потому что если от Сумбатика, то все – хана, ни с кем не спутаешь: и ребенок точно весь шерстяной родится, и носяру не скроешь.

А ты (я ей советую) пока своему-то ничего не говори, найди какую-нибудь древнюю фотку армянского или еврейского мужика и скажи: «Слышь, Вань, я дедушкину фотографию нашла. Вот не пойму, похожи мы с ним, нет. Ты посмотри, сравни». Ну, он, конечно, сначала ужаснется (ты пострашней

найди, побородатей), а потом – чего ему? Ну, дедушка и дедушка. Ему с ним детей не крестить, дед на том свете уже давно. Но к образу привыкнет, и если чего-то похожее родится, уже сам вспомнит: «А, это он в Светкиного дедушку». И все дела... Наташ, ты открой окно, задохнуться можно.

Наташа, молоденькая, свеженькая женщина с большим круглым животиком (седьмой месяц беременности), лихо залезла на высокий подоконник и открыла фрамугу.

– Наташа, ну что вы делаете, ну разве так можно в вашем положении? – укорила ее Эля, женщина постарше, положив раскрытую книгу на одеяло и глядя поверх очков на окно.

– Ай, да ничего мне не сделается, – махнула рукой любительница историй про жизнь и любовь и обратилась к рассказчице: – Ну и чего дальше, Надь?

Надежда устроилась поудобнее, натянула повыше одеяло – в палате посвежело, и продолжила рассказ:

– Подруга, конечно, так и сделала. А что еще оставалось?

Ну, Ване, ясное дело, по фигу, какой там у его Светки дедушка. Хоть негр. Он, Ваня-то, новый русский, денег тьма, и что не пропивает – все Светке. С ума по ней сходит, хотя женаты не первый год.

Еще бы: детей нет, все заботы на саму себя обращены: массаж-хренаж, фитнесцентр, маникюр-педикюр, парикмахеры, стилисты, любовники – вечная весна. Ну, подождала какое-то время, а как токсикоз начался и ее от запаха Ваниного «Фаренгейта» стало наизнанку выворачивать, сообще-

ла: так, мол, и так, Ваня, будет у нас с тобой беби, ребеночек то есть.

Ваня – в шоке. От счастья. Напился в жопу. Рыдает.

– Светка, я, – говорит, – тебя озолочу, у меня же наследник будет, ты же у меня теперь на золоте есть станешь. Ну и всякое такое.

Пошла Светка делать УЗИ. Это у нее еще трех месяцев не было.

Сделали ей УЗИ и говорят: «А у вас, поздравляем, двойня».

А Светке-то чего? Ваня прокормит. Она о другом волнуется:

– Скажите, пожалуйста, – говорит, – а какие у них носы? Врачи прифигели. При чем тут носы?

Все нормальные обычно спрашивают: мальчик – девочка или, например, здоровый ли у меня будет ребеночек, а эта курица про носы. Наверное, решили, что это у нее от токсикоза. Или что вообще дура.

– Нет, – говорят, – если они у вас по пять сантиметров длиной каждый, то какие там носы, уж подождите, когда родятся.

Она ждет, но все время тревожится, хотя «дедушкину» фотографию просто уже на ночной столик поставила, ну чуть не молится на нее.

– Дедушка у меня такой умный был, такой умный, хочу, – говорит, – Ванечка, чтобы детки наши на него были похожи.

А «дедушку» мы подобрали – ну вылитый Фрунзик Мкртчян, ну этот, который в «Мимино» крокодила зеленого хотел.

Ваня смотрит на фотку:

– Ой, нет, Светк, если мальчики на него – это еще ничего, а девочки пусть уж лучше на тебя.

– Ну это уж как будет, – Светка обижается, мол, против природы не попрешь.

И она так ему все время ныла про дедушку, как в том анекдоте про негра с усами, знаете?

Все обитательницы палаты, заранее смеясь, дружно покачали головами: не слышали анекдот и ждали подробностей.

– Неужели не слышали? Там жена беременная каждую ночь мужа будит в слезах: ей, видите ли, приснилось, что у них родился негр с во-от такенными усами! Муж ее утешает, гладит по головке: «Ну, милая, дорогая, ну, сама подумай, как это у нас родится негр да еще с усами?» Но она продолжает каждую ночь его будить и рассказывать про свой страшный сон. Наконец отвез ее рожать. Ждет-пождет. Выходит к нему врач и поздравляет с мальчиком. У мужа гора с плеч: «Ох, доктор, счастье-то какое!» – «Но только я должен вас предупредить, – говорит врач, – что ребенок у вас... ну... не совсем обычный...» Муж за сердце хватается. «Он у вас... негр», – продолжает врач. «С усами????!!!» – вопит муж. «Ну, почему с усами? Нет, без усов...» – «Слава богу!!!!»

Вся палата заходится смехом. В тему анекдот, ничего не

скажешь.

– А дальше? Что там Ваня? – опоминается по-детски пытливая Наташа.

– Ну, и Ваня уже на все был согласен, лишь бы уже родились у него детки, а девочкам в случае чего и пластическую операцию можно сделать, если носы будут дедушкины, станут как Мэрилин Монро. А не захотят, так он с ними с десятков видеоклипов наснимает, как, помните, этот богатый мужик свою дочь, забыла фамилию, наснимал, и ничего, стала звезда. И эти с носами станут звездами, еще все под них станут носы себе наращивать. Так что все спокойно.

Светка мне благодарна, духи «Живанши» подарила. Ты, говорит, Надька, будешь нашей крестной. Все идет как надо. Она ложится в роддом за две недели до родов, в патологию, как мы с вами, чтобы чего не случилось. Рожает – все отлично. В присутствии мужа. Он все дела бросил, с ней сидел. Она-то ничего, а его откачивать пришлось, так испереживался. И зачем это мужикам на этот кошмар смотреть? – рассказчица перевела дух.

– Ну? И дальше-то чего? – горя от нетерпеливого любопытства, торопила Наташа.

– Ох, подожди, дай передохну, – засмеялась Надя и отпила воды из бутылочки под названием «Святой источник».

Эля тоже уже не читала и с веселым недоумением ждала продолжения рассказа.

– Ну и сучения эта твоя Светка, – резко сказала новенькая

с кровати у двери.

– А ты, если не нравится, – не слушай. Положи голову под подушку и спи, – посоветовала Наташа.

– При чем здесь нравится – не нравится? Тут другое. Ты вот ребенка собралась рожать, а слушаешь эту гадость раскрыв рот. И ребенок твой, между прочим, всей этой дряни вместе с тобой набирается. Ты хочешь, чтобы он тоже в этот мир пришел, чтобы лгать, прелюбодействовать?

Наташа немного испугалась и обиделась.

– А чевой-то моему ребенку плохо должно быть? Я фрукты ем, за весом слежу, свежим воздухом дышу! И матом мы не ругаемся. Надя все приличное рассказывает. Да, Надь? – не очень уверенно попросила она подтверждения.

– Вот только учить нас жить не надо. Классный час нам тут устраивать, – колючим голосом произнесла Надежда. – Мы все тут не от непорочного зачатия рожать будем, а на том свете разберутся, ху есть ху.

– Девочки, не ссорьтесь, пожалуйста, – взмолилась Эля. – Жизнь есть жизнь. А Надя забавно рассказывает. Я заслушалась. Нам всем страдания предстоят, так что давайте хоть об этом помнить и поддерживать друг друга.

Новенькая осторожно встала с кровати, запахнула халат и вышла в коридор.

Наташа проводила ее настороженным взглядом:

– Ой, девочки, какая-то она... Я ее боюсь. Все настроение испортила. Еще сглазит нас, – она поежилась и завернулась в

одеяло. – Тут до вас еще рассказывали жуть такую. Одна забеременела – все нормально. Ну все: живот растет, ребенок шевелится. А у нее муж очень ребенка хотел, сказал: «Не родишь мне – уйду». Она и ждет. Вот уже ей скоро рожать. Пошла она в магазин. У входа бомжика сидит, денежку просит. Та ей дала. А бомжика: «Что ж ты, женщина, так мало подаешь, тебе рожать скоро». А эта на нее рукой так махнула, и все. Ушла. Через какое-то время после этого поехали рожать. Муж вот тоже, как этот Ваня, едет с ней. У них ребенок ихний стопроцентно, она ни в чем не сомневается. Рожает – ужас как долго. Все врачи собрались – ничего не понимают. В общем, как-то они там на нее ремнями надавили... родилось... Все серое, как студень. Полный таз студня.

– Фу, фу! – закричала Эля. – Наташенька, да не слушайте вы рассказов этих бабских. Тоже мне – «Вечерняя сказка для малышей».

– Правда, Наташка, меня сейчас вырвет, – поддержала Надя.

– Вот и мужа тоже чуть не вырвало, – не сдавалась Наташа. – Он посмотрел на все это дело, плюнул и ушел. И все. Больше не вернулся.

– Девушка долго в роддоме рожала,
Мужа за руку все время держала.
Муж только глянул – что там родилось...
Больше увидеться им не пришлось, —

выразительно продекламировала Эля.

– Ой, я и не знала такую страшилку. Я их раньше собирала, – засмеялась Надя.

– Да я ее сама только что сочинила. Под впечатлением. Наташа – вы моя муза. Как Некрасов сказал: «Муза мести и печали»...

– А вы поэтесса? Стихи пишете? – спросила восхищенная Наташа.

– Ну, страшилки – это не стихи. Это любой может сочинять. С ходу про все, что видишь. Вот смотри, например:

Девушки слушали страшные сказки,
Позакрывали от ужаса глазки.
Глазки открыли – одной из них нет...
Потустороннее шлет вам привет.

– Ну ты даешь! – поразилась Надя.

– Девочки, а мне рожать страшно! – вдруг жалобно прошептала Наташа.

– Ну чего уж теперь, взялся за гуж... Ой, не гони волну лучше. Кому ж это не страшно, – произнесла Надежда. – А у тебя что, какие проблемы?

– Да у меня просто резус-фактор отрицательный. Ну, мои все решили на всякий случай меня заранее положить, чтобы уж ничего не случилось...

– Чтобы не сглазил кто, – многозначительно продолжила Надя.

– Ну да, и это тоже, – простодушно подтвердила Наташа. – А все равно эта новенькая – странная. Молчит и зырит. А сама злющая. Вон, Аня у нас тоже молчит, но ведь улыбается. И сразу понятно: она просто молчаливая. Но не злая. А эта...

– Спасибо, Натка, – откликнулась Аня. – Я и правда молчаливая. Но знаешь, у людей разные обстоятельства бывают. Печали большие. Ты не суди. Или помоги, или отойди. Но судить не стоит.

Наташа слегка насупилась. Решала, видно, обижаться или спустить на тормозах. Пересилил здоровый женский интерес к повествованию:

– Ну ладно, Надь, ты давай дальше. Рассказывай. Кто там у Светки твоей родился?

– Надя, минуточку только, я не с самого начала подключилась. Света – это которая к вам сегодня приходила? Шикарная такая, фотомодельная? – спросила Эля.

– Ага. Я ж потому и начала, что Наташка меня о ней спрашивать стала, может, она иностранка или там артистка какая-то.

Ну вот. Рожает она двойню, как было обещано. Первым вылезает мальчик. Светка смотрит – фу-у-у, слава тебе господи: на голове белый пух, красный, кругломордый – то ли Дэнин, то ли Ванин, это уже не важно, потому что Ваня, чуть в себя пришел, один глаз открыл и заорал: «Сыночек!!!»

И акушерки все в один голос: «Ну вылитый папаша, со-

лидный какой. И басом закричал». В общем, ути-пусечки-пупусечки, откиньте нам, папулечка, на радостях дополнительно по сто баксиков, мы вам еще и не такое скажем.

Светка дальше уже рожает с облегчением, орет, хулиганит.

– Ой, – кричит, – Ваня, гад ты, смотри, на какие муки ради тебя иду, как ты меня страдать заставил!!!

Ваня каждый пальчик ей исцеловывает, жалеет ее, счастливый уже донельзя.

И тут второй рождается. Вторая, вернее. Девочка. Маленькая, меньше первого гораздо. Задохлик такой. Волосы черные, не пух, настоящие, аж шейку скрывают, нос уже видно – крючком, глазки пока, слава богу, закрыты. Еле пищит. С братиком – ничего общего. Даже акушерки рты пораскрывали: «Это в кого ж такая?»

– Ужас! – воскликнула Наташа и прижала пальчики к губам.

– Ничего не ужас. Ты слушай дальше, не перебивай. Светка выпадает в осадок, ничего не понимает, а Ваня ей сладким голосом:

– Светулечка, ты посмотри, это ж вылитый твой дедушка. Как ты хотела. Умненькая будет, а хорошенькая какая!

Так что тут все в порядке, но, главное дело, Светка не понимает, как же это так могло случиться, ведь не бывает же, чтоб близнецы от двух отцов одновременно рождались. И смех: группа крови у них оказалась Ванина, она потом

специально поинтересовалась. Короче, неразгаданная тайна природы. Очевидное – невероятное.

– А может быть, у кого-то из них и правда был такой... дедушка, – заметила Эля.

– Может. Ну, это уже неважно.

Ваня детей сразу заобожал. Светка успокоилась. Зажила по-прежнему.

У малышей няньки-бабки, у нее сауны, джакузи, Сумбатик. Не смогла его бросить, он классный мужик.

И вот как-то она с ним встречается и заезжают они в «Ко-дак центр», фотки забрать, Светка туда отдавала проявлять. Чтоб, кстати, потом, если Ваня спросит, где была, ему вещественные доказательства предъявить. И она спокойно показывает фотки детей, а им как раз годик исполнился, это деньрожденные фотки были...

Сумбат как взглянул – у него глаза кровью налились:

– Моя девочка!

А Светка ему:

– Щаз! Твоя! Может, уже и оба твои?

– Нет, – говорит, – только девочка. Это ж копия моя дорогая покойница-мама.

Ржач!

Не в дедушку, значит, а в бабушку. Пришла беда, откуда не ждали.

Он прямо плакал настоящими слезами:

– Как же мне теперь жить, зная, что мой драгоценный ре-

бенок будет без меня, отца своего, расти? Что же ты со мной, Светочка, сделала?

Ну и что вы думаете? И тут ведь пришлось дедушку показывать, иначе он бы ей покоя не дал. И тут дедушка, царствие ему небесное, спас. Все успокоились.

– Поверил он? – выдохнула Наташа.

– Еще как! Что ж ты, смеется, молчала, что ты наша? Тот меня к тебе так тянет. Голос крови.

– Ну и Света вам благодарна. Да, Надя? Вон вы ее из скольких бед выручили, – заметила Аня.

– Еще как благодарна. Ну, за ней не заржавело. У нее душа широкая. Она, как Дэн в очередной раз приехал, меня с ним познакомила – не справилась бы уже с тремя-то. Закрутилось у нас с ним такое! И он как узнал, что я беременная...

– От него? – жадно спросила Наташа.

– Ох, от него, тут уж я постаралась... Так он, как узнал, – сразу прилетел. И мы поженились. Теперь вот рожу – и улетим. Спасибо Светке, она у меня настоящий друг. В общем, полный хеппи-энд.

Дверь палаты открылась. Показалась безымянная новенькая. Лица на ней не было. Она держалась за дверь, медленно-медленно сползая на пол.

– Девочки, врача, – успела она прошептать. – Опять не доношу.

Все бросились помогать.

Полина (так звали новенькую) вынашивала своего долгожданного первенца в ежедневном непреходящем страхе за его жизнь. У нее в истории болезни имелись все веские основания бояться, что столь желанный ее ребенок так и не увидит свет Божий.

Однако в тот раз все закончилось для всех обитательниц веселой палаты самым лучшим образом: все покинули роддом, став мамочками.

Аня родила Любу.

Полина, спустя две недели после Ани, с которой хорошо сдружилась за время тревожного ожидания, родила Верочку. Мечтала о мальчике, но получилась хорошая крепкая девочка, активная, глазастая. И переживать за ее будущее Полина начала, как только ее увидела.

Видно, слишком много пришлось самой повидать и почувствовать.

Наверное, у каждого человека есть что-то, не тайна даже, а событие или эпизод, о котором вспоминать нельзя. То есть – никто не запрещает: вспоминай. Но память-спасительница делает все, чтобы стереть, смыть, отстирать то, что будет отнимать силы и понапрасну отвлекать от реальности бытия. Но у одних вычеркнутые события – сущая ерунда: денежка, украденная из маминого кошелька, мелкая ложь из-за не той школьной отметки... У других (их Полина умела отличать сразу) таится в глубине глаз какая-то тень. О ней не надо спрашивать. Ее не вытащишь на свет, чтобы она исчезла.

Все равно не исчезнет. О своей «тени» Полина привыкла думать именно так, загоняя ее глубоко-глубоко. Так, что никто никогда не докопается.

Полина

1. Любовь навеки

Когда-то, в совсем другой жизни, уже достаточно много лет тому назад, жила-была девочка. Послушная, прилежная, старательная. Мечтала о том, о чем мечтали для нее родители. И все шло по правилам, неизвестно кем установленным правда, но шло. И казалось вполне справедливым и разумным. А потом... Потом случилось то, что в сказках называется словом «вдруг».

Полина влюбилась с первого взгляда.

Что ж, с кем не бывает? Ну, она-то думала, что такого не было никогда и ни у кого.

На самом деле она довольно поздно для первого раза влюбилась. В семнадцать и даже больше чем с половиной лет. Без трех месяцев восемнадцать. До этого скрипка мешала, с четырех лет все силы и все время уходили на занятия музыкой. Родители обнаружили талант и взялись готовить из нее мировую знаменитость. Она слушалась всех: и родителей, и деда с бабушкой, и грозу своей музыкальной школы, педагога по специальности. Но вот наконец поступила в консерваторию. Всем угодила. Все остались ею довольны. Можно было немножко отдохнуть. Тут-то любовь и настигла. Вообще-то

Поля о любви мечтала давно. Она видела, как влюблялись подружки, как забрасывали все на свете ради счастья любви. Но она не могла обмануть чужие ожидания, старалась, училась, подчинялась. Но пришло ее время.

Однажды и навсегда – так решила Полина. У нее все в семье были однолюбам.

Они с подружкой после поступления решили поехать в Питер на несколько дней, хоть как-то отойти от экзаменов, сменив обстановку.

У входа в вагон она остановилась: всегда боялась большого расстояния между перроном и ступенькой вагона. Ей мерещилось, что она обязательно провалится в зияющую черную дыру.

Поля закусила губу, отгоняя от себя навалившуюся жуть, и вдруг почувствовала, как ее бережно и крепко берут за талию и ставят на подножку вагона. Она обернулась – этот миг решил всю ее последующую жизнь. Вот такого – большого, сильного и юного – она ждала. А он, наверное, искал такую маленькую, беспомощную, нежную.

Подруга осталась одна в их купе.

Поля и Митя сначала стояли у окошка в проходе, глядя на мелькающие подмосковные станции. Они даже не разговаривали. Их просто тянуло друг к другу со страшной силой. Поля впервые в жизни была уверена, что очень сильно кому-то нравится. И в своих чувствах не сомневалась. Она боялась только одного: что чудо кончится, поезд приедет в

Питер, и они с Митей разойдутся в разные стороны, как совершенно чужие люди. И не смогут друг друга найти.

— Зайдем ко мне? — позвал Митя, склонив лицо к ее лицу, как для поцелуя.

Поля ни секунды не раздумывала. Она обрадовалась, когда он запер за ними дверь. Наконец-то они были одни. По-настоящему.

Поезд летел. В купе было темно. Митя поднял штору окна, дорожные огни освещали их проблесками. Все происходило как в красивом черно-белом кино. Поля больше всего боялась, что он догадается о ее неопытности. Она стыдилась своей девственности: почти восемнадцать лет прожила на белом свете и ни с кем не была. Кому объяснишь, что училась, старалась, даже мечтать себе запрещала. Вот дура-то была!

Чтоб показать свою искушенность, она принялась лихо стаскивать с Мити рубашку, как должна была делать, по ее представлениям, сгорающая от страсти опытная любовница. Она где-то видела подобную сцену и старательно ее воспроизводила. Митя, конечно, завелся...

Несся поезд. Неслась отчаянная любовь девушки к единственному и неповторимому.

Рассуждая на здравый рассудок, правильнее было бы сказать: к первому встречному. От которого непонятно чего ожидать.

Но здравый рассудок покинул Полю надолго.

Главным, кроме любви, чувством, которое владело ею в ту первую ночь, был страх во всем его многообразии. Она боялась проявлений собственной неопытности, боли, но сильнее всего пугала ее мысль о том, что поезд остановится, Митя исчезнет и больше никогда не появится в ее жизни.

Он взял ее домашний московский номер телефона. Mobilных тогда ни у кого не было.

В Питере они не виделись: он ехал по делам и менять свои планы не мог.

Время тянулось чудовищно медленно. Она пыталась ходить по музеям, но в висках стучало только: «Митя, Митя, Митя».

– Съездили, развеялись, – злилась подружка, пытаясь растормошить сомнамбулическую Полину.

Ей было безразлично все вокруг. Лишь бы дожидаться Москвы, а потом звонка от Мити.

Три дня после Питера она не жила: лежала в своей комнате, повернувшись лицом к стене. Хорошо, что все предки были на даче, иначе лезли бы с расспросами, тормозили. Она думала о них как о чужих, лишних в ее жизни.

Наконец, когда она почти перестала ждать, он проявился.

– Только вернулся, – объяснил. – И сразу звоню.

Он позвал ее к себе. Она немедленно помчалась.

Встретились. Обнялись. Она припала к нему – не оторвать.

Митя смеялся:

– Ты мне не приснилась! Ну и девчонка! Всю дорогу о тебе думал.

– Я тебя люблю! – торопливо целовала его Поля.

Ночь прошла совершенно без сна.

Под утро лежали совершенно обессиленные, счастливые. Митя достал две сигареты, одновременно прикурил, протянул одну Полине.

Она взяла, не раздумывая. Раз любимый уверен, что она курит, отказываться нельзя. К тому же это было так красиво: лежат влюбленные после бурной ночи и устало дымят в потолок.

– Ты – боец! – с уважением похвалил Митя. – Оставайся у меня. Беру тебя в школу молодого бойца. Переезжай давай.

Полина чувствовала себя беспредельно счастливой. Без Мити ей жизни не было. Впервые в жизни она ощущала себя так счастливо зависимой от другого человека. У нее было только одно стремление: покоряться ему, исполнять все его желания, делать его счастливым, заслуживать его одобрение. А главное ее счастье – это она особенно остро и ясно осознавала – оказаться в его объятиях.

Счастье одних оборачивается несчастьем других.

Шок родителей был чудовищен.

Поля выстояла. Не уступила мольбам мамы и бабушки, не дрогнула даже, увидев слезы на глазах деда.

Отец постарел в одночасье. Полина жалела всех, но легко и отстраненно, как героев надоевшего сериала.

Ей самой было нужно лишь одно: Митя.

Все, кто высказывался против, становились опасными, их следовало остерегаться, держась как можно дальше.

Устав от уговоров, криков и слез, семья следила, как Полина преувеличенно резко, уверенно и быстро собирает свои вещи, как складывает ноты, застегивает футляр скрипки, поднимает сумку.

– Креста на тебе нет! – зарыдав, прокричала бабушка.

– А на тебе есть? – со спокойной улыбкой спросила уходящая навсегда светлой дорогой к вечному счастью внучка.

Непонятно и смешно было слышать всхлип о кресте воинствующей до последнего дня атеистки-бабушки, которая совсем недавно с едкой иронией высмеивала подруг своего пионерского детства, на старости лет крестившихся и исправно посещающих церковные службы.

Когда ее самые близкие – дочь и зять – решили креститься, бабуля фыркнула:

– И этим моча в голову ударила!

В дискуссии с ней никто не вступал, но решение родителей было менее понятно Поле, чем бабушкина реакция.

Совсем недавно бабушка рассказала, что уже не раз видела во сне всадников, стремительно мчащихся по небу на крылатых огненных конях.

Во сне она стояла на коленях в бескрайнем пустом поле и, подняв голову к небу, следила за вереницей огненных коней.

Вдруг последний из всадников обернулся. Лицо его было

суровым. Он погрозил коленопреклоненной бабушке и исчез в густом дыму и пламени вместе с остальными.

– Тебе бы в храм сходить, мам, со священником поговорить, сон непростой, – встревожилась дочка.

– Еще чего! – гордо возмутилась бабушка, как юная умирающая атеистка из памятного многим поколениям советских людей талантливого стихотворения поэта Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки».

Тогда у нее ума хватило.

А теперь вдруг эти дурацкие крики о кресте. Пустилась во все тяжкие...

Так легко думала Полина, сбегая по лестнице все дальше от квартиры, где оставалось лишь ее бесцветное скучное прошлое.

2. Школа молодого бойца

Жизнь у них с любимым пошла красивая и веселая. Мите было двадцать три. Он закончил скучный технический институт, но занимался каким-то непонятным бизнесом. Полина не вникала каким. Ей это было совсем неинтересно, да и какая, в общем-то, разница?

Жили они в просторной квартире одни: родители Мити преподавали далеко-далеко, в Мексике, в престижном, по мексиканским канонам, университете. Контракт подписали надолго. Жилье доверили сыну. Поначалу-то они надеялись и его с собой забрать, но он не согласился: в Москве происходило самое интересное. И умный человек мог очень хорошо разжиться деньгами.

Какое счастье, что он не согласился уехать! Ведь они тогда не встретились бы! Не узнала бы Поля своего счастья!

Стоял знойный душный август. Митя иногда убегал по делам, но не очень часто. Они были почти всегда вместе. Одни. Все, что между ними происходило, Митя называл «школой молодого бойца». Он, на правах старшего по званию, объяснял «молодому бойцу» Полине ее обязанности и права. Уговор был такой: приказы старшего по званию выполняются немедленно, без обсуждений и пререканий. Старший же по званию обеспечивает молодого бойца всеми возможными радостями жизни, удовольствиями и материальными блага-

ми.

Митя так вжился в образ старшего по званию, что никогда не называл Полю по имени. Только «молодой боец» или «беби» в особенно личные минуты.

Поля наслаждалась бездельем, лишь изредка берясь за скрипку. Она читала модные журналы, которые тогда стали выходить на русском, и узнавала кучу интересного про то, как обольстить мужчину, как быть желанной. В журналах предлагалось заниматься сексом везде. Ничего в этом стыдного не было: только интерес в мужчине пробуждался еще более сильный. По мнению журнальных советчиц, стыд надо было с позором гнать куда подальше и предлагать своему партнеру самые рискованные ситуации. Тогда он будет чувствовать дух приключения, столь необходимый существу мужского пола, и никогда не заскучает со своей авантюрной подругой. Поля пока еще не очень легка была на выдумку, но старалась очень.

Однажды они занимались «этим» в лифте. Сначала они были одни. Митя хлопнул «молодого бойца» по попке и велел: «Беби, давай». И беби старалась вовсю. Тут лифт остановился. Они так и застыли: Поля в своей мини-юбке, прижавшаяся спиной к разгоряченному Мите. Бабулька-соседка спросила: «Вы вниз?»

– Нет, пока наверх, – ответил Митя.

Двери лифта съехались. Они продолжили движение. На верхнем этаже лифт попридержали. Совсем ненадолго.

Все и вправду вышло здорово! Такой кайф! И то, что бабка даже не заподозрила, заставляло их дико смеяться, вспоминая.

Поля все время удивлялась тому, как они понимали друг друга. Иной раз просто глазами. Это же просто чудо какое-то! Действительно, встретились два близких человека, у которых нет ни стыда друг перед другом, ни тайн. Только желание дарить радость.

Радости-то у нее прежде совсем не было. Одни преодоления и старания угодить. Ее педагог по специальности была уверена, что, только полностью подчинив себе ученика, можно создать из него настоящего профессионала. Во время занятий она ругалась как... даже трудно подобрать сравнение. Гадко ругалась. Могла закричать:

– У тебя руки из жопы растут!

Или:

– Играешь, как пьяный солдат после оргазма!

Много чего вкладывала в детские уши. Про пьяного солдата с оргазмом Поля слышала лет в десять и смысла долго-долго не понимала. Просто слово само по себе очень не нравилось. Но привыкла сносить все. Еще и дома доставалось. Конечно, не такими словами, но давили по-страшному.

Теперь-то она понимала значение многих слов... И ниче-гошеньки в них плохого не видела.

– Накося! Выкусите! Хватит! Наслушалась я вас – всю жизнь мне отравили!

Сейчас, в жару, они слонялись по квартире голыми. Так было прохладней, и время не тратилось на раздевание, когда хотелось любить друг друга. Митя приходил в восторг, когда голенькая Полина брала скрипочку для ежедневных своих занятий, поднимала руку со смычком, откидывала голову.

Лилась музыка, восторженно застывал ее муж (так она его называла и вслух, и про себя). Правда, надолго застывать ему не удавалось. Потерпев немного, командир бросался к молодому бойцу и отдавал очередной приказ, которого, по установленным правилам, послушаться было нельзя. Да у молодого бойца и в мыслях не было не подчиниться приказу!

Жила тогда Полина только в присутствии Мити. Стоило ему отправиться по делам, она начинала ждать. Не могла ни заниматься, ни читать, ни даже слушать музыку. Залезала в кровать под простыню и хотела только одного: заснуть, чтоб проснуться, когда он вернется. Если уснуть не удавалось, она просто лежала, вспоминая, как они встретились, как она его увидела, как все у них было в последний раз, перед его уходом, и о том, что бы еще такого необыкновенного изобрести, чтоб он восхищался своим молодым бойцом.

Митя возвращался, радовался ее придумкам, поощрял своего бойца:

– Сколько сантиметров беби сегодня хочет получить?

Под сантиметрами подразумевались деньги в пачках. Сколько Поля называла, столько и получала. Безотказно. Это были ее деньги. Митя требовал, чтоб она хорошо одевалась,

чтоб было видно: не зря он вкалывает. Пусть все на нее оглядываются и ее хотят. Фиг получают.

Ну у кого был еще такой же муж? Разве кто-то был счастливее Поли?

3. Что дальше?

Учиться она не хотела совсем. Ей это было не надо. Она нашла свое счастье, и все тут. Правда, в сентябре несколько раз приходила на специальность, но ее там подкарауливала заплаканная мать с мольбами вернуться, пожалеть, понять, что она себя губит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.